

ОТЗЫВ

официального оппонента о кандидатской диссертации

Индыченко Артема Андреевича

«Чешский литературный язык за пределами его этнической территории в XV – XVII вв.»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.03 – славянские языки. Москва: ФГБОУ «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова», 2015.

Кандидатская диссертация Индыченко Артема Андреевича посвящена одной из сложнейших и многогранных областей языкознания – истории славянских литературных языков, которая требует от исследователя многосторонних знаний и широкой эрудиции. Для полного и глубокого понимания процессов истории развития литературных языков, имеющих не только лингвистическое, но и культурное значение для становления нации, исследователю необходимо обладать по истине филологическими знаниями в самом широком понимании. Помимо практического владения языками здесь требуются и глубокие познания в области исторической грамматики и диалектологии, умение работать с древними текстами, анализировать и логически систематизировать полученные результаты, глубокое понимание языковой ситуации настоящего и прошлого, привлечение таких нелингвистических дисциплин, как история и культурология. Для максимальной объективности подхода к решению проблем, лежащих в области истории литературного языка, исследователю также необходимо уверенно разбираться в лингвистических вопросах, касающихся различных уровней языка – фонетики, морфологии, словообразования, лексикологии, причем, как в синхронии, так и диахронии. Весьма удачным примером сочетания знаний по всем вышеперечисленным областям науки служит настоящая рецензируемая работа, что, несомненно, ставит ее в один ряд с серьезными и глубокими филологическими исследованиями в области современной славистики.

Воросы истории литературного языка к настоящему времени разработаны далеко не полностью, зачастую они решаются весьма предвзято, субъективно или поверхностно с применением различных стереотипных положений, далеких от истинной картины. В частности, это касается отдельно взятых славянских языков, где лингвисты до сих пор сталкиваются с неоднородным пониманием природы, например, формирования русского литературного языка. По той же причине малоизученной остается и история сербского литературного языка, а история словенского литературного языка до сих пор не сложилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Несмотря на большое количество работ по истории литературных языков, до сих пор неоднозначной видится и ситуация в западнославянских странах. Ввиду всего вышесказанного решение поставленных в

настоящем диссертационном исследовании задач представляет собой, с одной стороны, значительный по своей сложности труд, а с другой – является в наивысшей мере актуальным для современной славистики, дальнейшего ее развития, изучения генезиса этнических литературных языков славянских народов, описания языковых ситуаций в славянских странах в диахроническом плане и культурно-языковой истории западнославянского ареала Центральной Европы в целом.

Как известно, на становление того или иного славянского литературного языка существенное влияние оказывал другой славянский язык, который нередко становился его базой. И если бесспорным и довольно хорошо изученным является роль старославянского языка в формировании литературных языков у народов ареала *Slavia Orthodoxa*, то аналогичная роль чешского языка как литературного для западнославянских народов до сих пор не исследовалась в ее полном освещении. Рассмотрение данного комплекса проблем определяет актуальность работы и подчеркивает ее новизну и значимость. Диссертант обращается к вопросам функционирования чешского языка в качестве литературного, языка деловой письменности за пределами Центральной Чехии у носителей других близкородственных языковых кодов, а именно, в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии. Объективный подход диссертанта к данной тематике, его скрупулезность при анализе собранного материала и логичность выводов при наличии эрудиции и широких знаний из разных гуманитарных наук позволяют ему выполнить поставленные в работе цели и задачи (с.с. 9-10) и в значительной степени дополнить имеющиеся исследования или устранить «белые пятна» в истории литературных языков западных славян.

Как подчеркивает сам диссертант, всем, кто занимается данной филологической проблематикой, ситуация с интерпретацией вопросов истории литературных языков западных славян и расстановка акцентов при их рассмотрении весьма противоречива, поскольку нередко обуславливается стереотипными подходами. Так, исследования влияния чешского языка на польский литературный язык практически ограничивается проникновением чешской лексики и ее бытованием в польских литературных и богослужебных памятниках либо описанием взаимовлияний между литературными чешским и польским языками. Что касается диахронического описания языковой ситуации в Верхней Силезии, то здесь малоисследованность данного вопроса и практически полное отсутствие научных работ по данной проблематике также объясняется субъективностью сложившейся в богемистике традиции в самой минимальной степени обращать внимание на факты регионализма в истории чешского литературного языка. Далекое неоднозначно и зачастую под влиянием политических или идеологических веяний вопрос очевидного участия чешского литературного языка в становлении литературного словацкого языка освещается в

словакистике, где, как справедливо отмечает К.В. Лифанов, целый ряд стереотипов и фактически априорно принятых положений препятствует объективному осознанию реальных процессов, которые протекали в языке письменности, создававшейся на территории Словакии.

Поскольку предмет настоящего исследования лежит, прежде всего, в области истории литературного чешского языка, диссертант невольно сталкивается и с неоднозначностью взглядов на данный круг проблем в самой богемистике, где вопросы регионального функционирования чешского литературного языка в основном замалчивают, как будто стесняясь вкраплений в нормированный язык диалектных и периферийных языковых явлений, тогда как данные факты, наоборот, обогащают и повышают сам статус чешского литературного языка в историко-культурном мире западных славян.

В данном контексте заслугой диссертанта является выбранный им объективный подход к рассматриваемой проблеме, единая для всех трех регионов методика описания на междисциплинарном уровне, предусматривающая учет исторического фона развития литературных языков, с целью объяснения различных путей развития литературных языков у западославянских народов, в которых в тот или иной период значительную роль играл чешский литературный язык.

Обратимся более подробно к некоторым положениям диссертации А.А. Индыченко и отметим наиболее значимые из них.

Глава 1 посвящена комплексному рассмотрению проблемы описания истории литературного языка донационального периода и надэтнического употребления славянских литературных языков, где также поднимается вопрос развития литературного языка в ситуации языкового контакта, актуальный для практической части исследования. Здесь же подвергается анализу само понимание термина «литературный язык», в результате чего вскрывается вся сложность трактовок и взглядов ученых на суть данного понятия. Диссертант делает акцент на необходимости разграничения понимания литературного языка в донациональный и национальный периоды. Анализируя различные подходы и осознавая «шаткость» употребления термина в диахроническом исследовании, диссертант все же остается приверженцем термина «литературный язык», но в широком его понимании вслед за В.П. Гудковым и Г.П. Нецименко. Данный выбор представляется вполне удачным и позволяет избежать ухода в излишнюю теоретизацию вопроса.

Здесь же вслед за Н.С. Трубецким и рядом других ученых диссертант справедливо подчеркивает факт использования в тот или иной период одним славянским народом другого славянского языка в качестве литературного. В первую очередь рассматривается факт

употребления и дальнейшей «креолизации» старославянского языка у русских, сербов, болгар, македонцев, а также чехов в ранний донациональный период. Данная картина может быть дополнена фактами многовекового использования древнерусского языка в качестве письменного сербами и – спорадически – словенцами или фактом активного участия чешского языка в становлении хорватской научной терминологии. Последний момент является предметом особого научного направления в хорватской лингвистике, изучающего влияние чешского и частично словацкого языков на формирование хорватского литературного языка, толчком которому послужила активная филологическая деятельность Богуслава Шулека, словака по происхождению, в XIX веке в Хорватии. В данную канву истории славянских литературных языков логично включается языковая ситуация в Малопольше, Верхней Силезии и Словакии, где чешский литературный язык в том или ином виде использовался в качестве литературного языка. В этой связи и в продолжение данной темы можно указать диссертанту на его излишнюю осторожность, когда он пишет: «Учитывая слабую исследованность материала, трудно более определенно говорить о типологических сходствах и различиях процессов гибридизации в истории церковнославянского и чешского литературного языка». Логическое продолжение канвы истории использования одним славянским народом другого близкородственного языка с его последующей гибридизацией, а также выводы, сделанные в результате настоящего диссертационного исследования, говорят о том, что о типологических сходствах и различиях говорить следует, что, несомненно, открывает диссертанту перспективы для дальнейших исследований в интересующей его области.

В первой главе автор кандидатской диссертации также логично и вполне убедительно обосновывает выбор материала для своего исследования – это памятники деловой письменности. Заслуживающим достойного внимания представляется постулат о различии статуса деловой письменности, с одной стороны, в Древней Руси, которая лежит вне культурной сферы, и с другой – в других славянских регионах, в частности, у западных славян, где деловая литература входит в сферу культурной письменности. Кроме того, более устойчивая норма языка чешских памятников данного жанра по сравнению с литературными памятниками, где велико влияние латинского языка, позволяет получить максимально объективную картину языковой ситуации и языкового взаимопроникновения, что и является задачей, которую ставит перед собой диссертант в своем исследовании.

Три последующие главы посвящены подробному анализу собранного материала по каждому из рассматриваемых регионов использования чешского литературного языка в качестве языка деловой письменности – Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии. Все главы объединяет общая методика изложения материала и его анализа.

Общность методики описания определяет ее новизну, заявленную во введении к работе, - т.е. рассмотрение в количественном отношении фактов наличия или отсутствия определенных явлений чешского литературного языка на различных его уровнях – в фонетике, морфологии и частично лексике, а также присутствие в языке памятников отдельных черт, характерных для говоров тех местностей, где эти памятники создавались. Скрупулезный подход к исследуемому материалу позволил диссертанту не только выявить процентное соотношение родных и заимствованных языковых явлений, но и проследить тенденцию к их уменьшению или увеличению на протяжении исследуемого периода.

В данном свете сложность исследования заключается еще и в том, что в течение рассматриваемого периода сам чешский язык претерпевал бурные процессы изменения фонологической системы, в результате которых менялась и сама норма литературного языка в пражском центре. Диссертанту вполне успешно удалось проследить тенденции отражения тех или иных новшеств чешского языка в памятниках периферийных районов его употребления как с учетом живых процессов в языке Центральной Чехии, так и с опорой на характерные черты говоров Малопольши, Верхней Силезии и Западной Словакии.

Каждую главу предваряет описание исторического фона определенного региона, рассмотрение степени изученности исследуемой языковой ситуации, после чего следует представление и анализ материала с необходимыми комментариями относительно степени отражения каждого из рефлексов, присущих чешскому языку, и языковых черт, характерных для родного языка авторов памятников. В конце представлены выводы, сделанные на основании проанализированного эмпирического материала, касающиеся уже более широких вопросов статуса чешского литературного языка в трех рассматриваемых регионах, тенденции к его «креолизации» или, наоборот, консервации, приводятся причины его укоренения и последующего ослабления своих позиций.

Несмотря на общность методики описания и структуры подачи материала, каждая глава представляет собой самостоятельный опус с зарисовками языковых, исторических и научно-исследовательских фактов, характерных для каждого региона в отдельности, поданных в русле одной более общей темы – истории чешского литературного языка.

Убедительными представляются и заключительные выводы проведенного исследования по каждому из изучаемых регионов:

1) Языковая пестрота памятников, созданных на территории Польши, не позволяет говорить о единстве процессов, происходивших в чешском литературном языке на данной территории. Эти тексты характеризуются перегруженностью элементами различного генетического происхождения, что привело к расшатыванию системы чешского литературного языка, употреблявшегося на данной территории, и вместе с экстралингвистическими факторами определило его дальнейшую судьбу в польской письменности.

2) Меньшая степень проникновения центрально-чешских фонетических явлений и стремление к консервации чешского литературного языка характеризуют памятники деловой письменности, создававшейся на территории Верхней Силезии. Однако в течение описываемого периода прослеживается ослабление процессов консервации, ориентация на нормы чешского литературного языка, минимизация проникновения в тексты диалектизмов силезского происхождения, что и обеспечило дальнейшее сохранение и закрепление чешского литературного языка в Верхней Силезии.

3) Вывод о наибольшей специфике функционирования чешского литературного языка в Западной Словакии по сравнению с Польшей и Силезией. На фоне превалирующего соответствия языка текстов, создававшихся на территории Словакии, нормам чешского литературного языка прослеживаются тенденции к постепенной его адаптации к западнословацким говорам для обеспечения его дальнейшего функционирования в данном регионе. Важным представляется вывод, сделанный на основании фактического материала, а не расхожих стереотипных мнений о том, что в данный период процесс адаптации следует описывать не как процесс постепенной «словакизации», а как процесс частичной «дебогемизации» чешского литературного языка в Западной Словакии, что впоследствии станет определяющей чертой процесса формирования словацкого литературного языка.

Неоспоримым достоинством работы является манера изложения, лаконичность, грамотность и стилистическая стройность языка кандидатской диссертации, осторожность излагаемых диссертантом предположений, обоснованность сделанных выводов, подтвержденных фактическим языковым материалом, наглядность подачи материала, в том числе и в виде таблицы в конце работы, где представлен собранный материал в форме, позволяющей провести самостоятельное сопоставление языковых фактов из разных регионов.

Таким образом, диссертант показал себя как глубокий, вдумчивый, эрудированный исследователь и аналитик с логическим складом ума, что помогло ему продемонстрировать свою научную состоятельность, позволило разобраться в непростой филологической проблеме и успешно защитить все основные положения, выдвинутые в диссертации.

Некоторые замечания, которые носят больше дискуссионный характер или были вызваны научной любознательностью рецензента, нежели характер замечаний, как таковых, могут быть сведены к следующему:

- 1) Временные рамки исследуемых в диссертации памятников деловой литературы (30-е гг. XV в. – 90-е гг. XVII в.) не вызывают никаких сомнений. Тем более, что нижняя граница логично обоснована (на с. 12) временем появления первых дошедших до наших дней связных грамот на чешском литературном языке, созданных за пределами чешских земель. Однако, с другой стороны в работе отсутствует аналогичное обоснование верхней границы временного рубежа. Что касается Польши, то данное объяснение изложено в заключении ко второй главе, однако для Силезии и словацкого языкового континуума данный вопрос в работе остается открытым.
- 2) Не вполне понятно использование названия «руська мова» по отношению к письменному литературному языку Великого княжества Литовского (как известно, «русский язык», «руський язык», «проста мова» или «руська мова» - это самоназвания данного языка, но не традиционно принятый в лингвистике термин).
- 3) На сс. 37-38 на основании употребления графемы *h* в текстах, созданных на территории Польши, делается вывод о том, что в них не отражается характерное для польского языка взрывное *g*. Насколько справедлив данный вывод? Возможно, здесь следует говорить не о передаче или непередаче польской фонемы *g*, а лишь о графеме *h*, которая в текстах польского происхождения имела функцию обозначения польского взрывного *g*, тем более, что графема *g* в чешской письменной традиции нередко служила для обозначения другой фонемы – *j*.
- 4) На с. 128 рассматривается вопрос реализация рефлекса перехода *aj – ej* в текстах западнословацкого происхождения в XVII в. и делается вывод о том, что более распространенным вариантом становится именно чешская инновация. Однако здесь следует иметь в виду, что аналогичный процесс имел место и в западнословацких говорах, отражение которого выглядит естественным для памятников данного происхождения (ср. современные формы трнавского

диалекта: *nejkrajší, nejľacnejší* и т.п. на фоне литературных форм *nsjkrajší, najľacnejší...*).

- 5) На с. 151 речь идет о явлениях, не характерных для чешского литературного узуса XV – XVII вв., которые не могут быть объяснены влиянием местного западнословацкого говора, и приводятся примеры *buch, lechkości, dluch* и т.п. Возможно, в данном случае речь идет не языковых явлениях, а об обычной фонетической ошибке автора, когда звонкий звук *h* в конце слова оглушается до *ch*.
- 6) На сс. 161, 168 утверждение о стремлении к упрощению системы чешского литературного языка представляется не совсем лингвистически корректным. Вероятнее всего, здесь следовало бы ограничиться определением *адаптация*, которое наиболее соответствует действительности, но которое далеко не является синонимичным определению «упрощение», поскольку, с одной стороны, устраняется графема *ř*, но, с другой – проявляются иные черты, характерные только для словацкого языка, напр., отражение дифтонгизации и др. В продолжение сказанного сомнительным видится и утверждение в том же пассаже о стремлении к консервации. По всей видимости, речь идет не о стремлении к консервации, а исключительно о влиянии местных говоров на письменность и, как диссертант далее справедливо утверждает, о «дебогемизации» и избегании чуждых для западнословацких говоров новых веяний в фонологической системе чешского литературного языка данного периода.

Подводя итог, отметим, что кандидатская диссертация А.А. Индыченко выполнена на высоком научно-практическом уровне, обладает актуальностью, теоретической значимостью, методологической ценностью, научной новизной, её практическая значимость бесспорна, а положения, выносимые на защиту, достойны всесторонней поддержки. Апробация результатов исследования, публикации в научной печати по теме диссертации и автореферат достаточно полно отражают содержание работы, качество оформления и уровень решения поставленных научных задач соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Представленный на защиту кандидатская диссертация соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для данной отрасли знаний, а ее автор, А.А. Индыченко, заслуживает присвоения ему искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – славянские языки.

Хмелевский Михаил Сергеевич
198261, Санкт-Петербург, пр. М. Жукова, 68/1 – 122
chmelevskij@mail.ru
тел.: +7 931 3834530
Кафедра славянской филологии
филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
<http://www.phil.spbu.ru>, slavkaf@mail.ru
кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета СПбГУ

Богданов Сергей Игоревич
профессор, доктор филологических наук
проректор по обеспечению реализации
образовательных программ и осуществления
научной деятельности по направлениям
востоковедение, искусство и филология СПбГУ

«06» апреля 2015 г.

Публикации:

1. Хмелевский М.С. Фразеологизмы с общим значением «грязный» - «чистый» в чешском, словацком и словенском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвящена 200-летию Казанского университета. Труды и материалы. Казань, 2004. С. 90-98
2. Хмелевский М.С. Формирование разряда наречий-интенсификаторов в чешском и словацком языках // Грани слова:– сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. Москва, 2005. С. 675 – 682.
3. Хмелевский М.С., Урсуленко А.В. Современная украинская языковая ситуация (украинский язык – русский язык – суржик – диалект – койне – жаргон) // Субстандартные варианты славянских языков. Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe, Band 17. Франкфурт-на-Майне (Германия), 2009. С. 215-229.
4. Хмелевский М.С. Об истории возникновения наречий-интенсификаторов в славянских языках // Юбилейный сборник Трирского университета в честь проф. Я. Гвозданович. Трир (Германия), 2013 г. С. 112-137.